

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

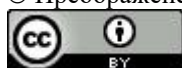
УДК 911.37

DOI: 10.17072/2079-7877-2020-1-84-95

**ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И СЕТЕВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КРУПНЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД****Юрий Владимирович Преображенский**ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2774-0554>, SPIN-код: 1437-7336e-mail: topofag@yandex.ru*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Саратов*

Категория экономико-географического положения является одним из наиболее существенных понятий для выявления изменения людности городов и их специализации. Экономико-географическое положение города определяется в континуальном географическом пространстве, характеризующемся сочетаниями точечных, линейных и ареальных составляющих, тем или иным образом обуславливающих природопользование на определённой территории. Однако одно только положение города в континуальном пространстве не даёт возможности объяснить динамику людности городов. Процессы глобализации, встраивание городов России в систему мировых городов приводят к необходимости анализа сетевого положения города. В отличие от экономико-географического сетевого (или нетографического) положения города связано с его нахождением в дискретном пространстве и определяется, по сути, негеографическими факторами. С этих позиций возможно рассматривать как горизонтальные отношения города в сети (кооперационные), так и вертикальные (иерархические). Изменение людности городов служит индикатором продвижения города в сетях последнего типа. Выявляется содержание трансляций между городами разного ранга, анализируется влияние на них экономико-географического и нетографического положения. Обсуждаются сложности конвертации выгодного экономико-географического города в региональное социально-экономическое развитие. Особое внимание уделяется динамике людности крупнейших городов в период 2002–2019 гг., анализу факторов, влияющих на неё. На примере Саратова (как крупнейшего города и типичного областного центра) выделяется ряд аспектов его экономико-географического и нетографического положения. Основным выводом статьи является диагностика положения российских региональных центров в нижней части иерархической сети городов, что определяет неразвитость их функций в перераспределении потоков ресурсов. В результате фиксируется несоответствие людности городов их роли узлов в сетях разного типа, что предполагает дальнейшую концентрацию социально-экономической активности в городах России с наиболее выгодным нетографическим положением.

Ключевые слова: экономико-географическое положение, система расселения, сеть городов, крупнейшие города, динамика численности населения, Саратов.

**ECONOMIC-GEOGRAPHICAL AND NETWORK POSITION OF THE LARGEST
RUSSIAN CITIES IN THE POST-SOVIET PERIOD****Yuri V. Preobrazhenskiy**ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2774-0554>, SPIN-code: 1437-7336e-mail: topofag@yandex.ru*Saratov State University, Saratov*

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

The category of the economic and geographical location remains one of the most significant for identifying changes in the population of cities and their specialization. The economic-geographical position of a city is determined in the continual geographical space conditioned by the landscape features of the territory and its natural resource potential. However, it seems impossible to explain the population dynamics only by the position of the city in the continual space. The processes of globalization, the integration of Russian cities into the system of world cities make it necessary to analyze the network position of the city. In contrast to the economic-geographical position, the network (or netogeographical) position derives from the city's presence in the discrete space and is determined, in fact, by non-geographic factors. From these standpoints, it is possible to consider both horizontal relations of the city in the network (cooperative) and vertical (hierarchical) relations. The change in the population is an indicator of the city's progress in the networks of the latter type. The paper reveals the content of connections between cities of different ranks and analyzes the influence of the economic-geographical and netogeographical positions on them. The difficulties of converting a profitable economic-geographical position of a city into a regional socio-economic development are discussed. Particular attention is paid to the population dynamics of the largest cities in the period 2002-2019 and the analysis of factors affecting it. Through the example of Saratov (as one of the largest cities and a typical regional center), a number of aspects of the economic-geographical and netogeographical positions are highlighted. The paper concludes that Russian regional centers are in the lower part of the hierarchical network of cities, which determines the underdevelopment of their functions in the redistribution of resource flows. As a result, there is a discrepancy between the population of cities and their role of nodes in networks of different types, which entails a further concentration of socio-economic activity in the cities of Russia with the most favorable netogeographical position.

Keywords: economic and geographical position; settlement system; network of cities; largest cities; population dynamics; Saratov.

Введение

Экономико-географам свойственно возвращаться к основным положениям, основаниям своей науки по мере развития (или деградации) Ойкумены. Такими основаниями, безусловно, можно назвать категории экономико-географического положения (ЭГП) и географического пространства. В разные периоды акцентируются различные составляющие таких понятий, в силу своего «первородства» они наполнены обширным содержанием.

Связь между изменением ЭГП населенного пункта и динамикой его населения достаточно явно просматривается в отношении ряда городов в исторической перспективе (т.е. в последние несколько веков), но, как правило, описывается на примере городов, практически полностью исчерпавших ресурс своего географического положения (самый известный пример – Мангазья). Очевидны и сложности количественной оценки изменения ЭГП.

С другой стороны, микроподвижки ЭГП – процесс перманентный, он происходит на разных уровнях системы расселения. Раскрытие происходящей в настоящее время трансформации ЭГП, предвидение её последствий (в первую очередь, динамики численности населения) – достойная и сложная задача, которая, на наш взгляд, решена пока частично.

В статье выдвигается тезис о недостаточности одной только категории ЭГП определённого объекта (в первую очередь, мы рассматриваем город) для понимания внешних факторов его развития (или деградации). На наш взгляд, в современных условиях, сложившихся в 1990-х гг. в России, а в странах ЕС и США на несколько десятилетий раньше, категорию ЭГП следует дополнить категорией внутрисетевого положения города как положения к определённым ядрам и трансляциям в иерархической сети городов.

Предшествующие исследования

Большинство исследователей при выявлении факторов изменения людности городов (очевидно, отражающей улучшение или ухудшение ЭГП) в основном анализируют влияние тех или иных отраслей промышленности на неё (безусловно, это отчётливо проявляется на

*Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.*

примере Тюменской области и её округов, см., например, [1]). Динамика численности населения связывается с уровнем социально-экономического развития, оцененного по имеющимся статистическим показателям (прежде всего, с уровнем заработной платы) [6].

Более широко рассматривает динамику людности Л.Б. Карачурина [8], давая, в частности, группировку по динамике населения в городах, удалённых от регионального центра на разное расстояние.

Вопросы городского развития неизбежно пересекаются с темой определения собственно понятия города, его истинности, его функций и пр. (см. [4]). В современном постиндустриальном мире снизилась значимость функции контроля над материальными ресурсами и возросла над нематериальными. Если в советский период город «увязывал» потоки сырья и товаров (образуя узловую район), то в настоящее время возросла значимость контроля городом над информационными потоками, под которыми мы понимаем финансовые, управленческие, культурные и прочие трансляции. В результате всё отчётливее проявляет себя «...переход от линейно-узловой территориальной структуры...к более мобильной, сетевой, полицентричной структуре». В ней центральность города определяется не отношениями города с прилегающей территорией (периферией), а проистекает из его отношений с другими узлами сети» [5, с. 33].

Сетевые взаимоотношения рассматриваются в работах зарубежных экономистов, посвящённых мировым городам (подробный обзор дан в работе [9]). Здесь основное внимание исследователей привлекают процессы концентрации экономической активности. Отношения между городами в сети могут быть как горизонтальными (кооперативными), так и иерархическими (конкурентными). Д.М. Махновский полагает, что «городская конкурентоспособность меняется в пространстве и времени в соответствии с конкурентными отношениями, проявляющимися сильнее локально и в периоды циклического спада» [9, с. 64]. Методология оценки положения города в горизонтальной и вертикальной сетевой структурах является одним из ведущих направлений зарубежных исследований (см., например, [20]). Полагаем перспективной комбинацию подходов к городу как узлу территориальной структуры и ядру в иерархической сети городов. Подобная дихотомия требует уточнения проявлений города в континуальной и дискретной средах.

Континуальность и дискретность географического пространства

Континуальность проявляется в свойствах географического поля, в сплошном распространении влияния определенного объекта по территории. Дискретность связана с разрывами в географическом поле. По большому счёту, дискретность отрицает единство географического пространства и опирается на процессы по сути негеографические, тем не менее результат их проявления оказывается географичен. Совокупность континуальных и дискретных проявлений связана с плотностью экуменического пространства (т.е. той части географического пространства, где активно проявляется деятельность человека во всём её многообразии) и региональной спецификой. Как отмечает П.Я. Бакланов, «...всем типам геосистем свойственны различные соотношения континуальности и дискретности» [3, с. 12].

Расположение и развитие географических объектов (в первую очередь населённых пунктов) связано с различной зависимостью от континуальных и дискретных условий. Частично данную тему затрагивает В.Л. Бабурин, рассматривая иерархическую организацию населённых пунктов и связи между ними. Так, он отмечает, что «...внизу иерархической структуры сосредоточены поселения, базирующиеся на производствах – непосредственных пользователей природно-ресурсного потенциала..., их людность и плотность распределения ... определяются объёмами используемого ресурса на единицу площади и формой его распределения по территории, уровнем развития производительных сил, а также историко-культурными особенностями формирования территориальных общностей населения» [2,

*Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.*

с. 10]. Следовательно, поселения более высокого уровня в меньшей степени привязаны к природно-ресурсной основе территории, а их расположение является результирующей, с одной стороны, отношения к ним нижних в иерархии поселений, а с другой – их отношению к городам – опорным центрам системы расселения страны. Последние, в свою очередь, ориентированы преимущественно на глобальную систему городов.

Собственно, в данном случае мы возвращаемся к схеме ЭГП И.М. Маергойза: для каждой группы городов оказывается важен свой подтип ЭГП: для нижнего уровня – положение по отношению к источникам с/х сырья и месторождениям полезных ископаемых, для среднего – отношение к центрам обрабатывающей промышленности и транспортное, для верхнего – отношение к рынкам сбыта и вновь транспортное.

Расположение и людность поселений в таком случае определяются выгодностью ЭГП на каждом уровне в выделяемый период времени. «Саморазвитие систем расселения происходит одновременно под влиянием нескольких разнородных сил», среди которых выделяется «взаимодействие в рамках локальной системы центральных мест», «в рамках всей системы расселения страны», «в рамках субконтинента или всего мира в целом» [17, с. 24]. Оценка ЭГП, таким образом, производится через «игру масштабов», по известному выражению Н.Н. Баранского.

А.И. Зырянов, рассматривая связь между ЭГП и людностью города, отмечает, что крупнейший город региона обладает наилучшим географическим положением [7]. Анализируя развитие региональной системы расселения в динамике, нужно учитывать, что выгодность ЭГП главного города региона есть одновременно и первоначальное преимущество и благоприобретённое, т.е. он некоторым образом сам проводит конфигурацию системы расселения.

Географическое поле и иерархические сети

Общие методологические подходы к описанию географического пространства привёл ещё В.И. Вернадский. В их основе лежат «... во-первых, представления о полях, проникающих пространство, и о наблюдаемом в них особом строении, в частности, распределении в них силовых линий. Это будут, во-вторых, векториальные представления о пространстве, связанные с идеями о пространстве, пронизанном излучениями, определенного геометрического характера, системой волн. И, наконец, это будут представления о пространстве, все явления в котором подчинены определенной симметрии, которая может быть геометрически точно выражена» (цит. по [18, с. 7]). Проработка идеи географического поля присутствует в работе [16].

В отечественной географии применительно к территориальным аспектам населения используется словосочетание «потенциал поля расселения». Последний характеризуется снижением интенсивности влияния какого-то населённого пункта на другие (по закону гравитационного взаимодействия, согласно которому сила связи прямо пропорциональна произведению неких характеристик двух городов, и обратно пропорциональна расстоянию между ними в некоторой степени, характеризующей свойства (проницаемость) пространства) [14].

Для системы расселения критическими показателями являются плотность населения и густота населённых пунктов, обе характеристики связаны со спецификой низовых населённых пунктов и зависят от сочетания почвенных, агроклиматических, минеральных, водных ресурсов и климатических условий.

Равно применима к системе расселения концепция сети, сетевых связей. Согласно ей, населённые пункты взаимодействуют не обязательно с ближайшими населёнными пунктами, а с теми, которые являются комплементарными для них по каким-то параметрам (прежде всего, производственно-технологическим). При этом можно рассматривать горизонтальную,

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

«плоскую» сеть, где все узлы сети в равных условиях, но нас в большей степени интересует так называемая иерархическая сеть, в которой различные трансляции перемещаются сверху вниз и снизу вверх (от городов более высокого ранга к городам менее высокого ранга и наоборот). Такого рода сети, в которых объекты связаны как горизонтальными, так и вертикальными связями, называют реляционными (или релятивными).

Собственно, на этом строится подход выделения мировых (глобальных) городов, но рассматривается, как правило, только вершина этой сети, хотя она имеет «продолжение» на более низкие уровни и, собственно, только благодаря им и может функционировать. На высших уровнях формируются инновации, создаются повестка дня, экономический, культурный дискурсы, которые «спускаются» вниз, адаптируясь к местной специфике. Эти процессы достаточно отчётливо описаны разными авторами, прежде всего Т. Хёгерстрандом в его работах по диффузии инноваций. Наиболее существенным является здесь тот факт, что «сверху вниз» передаётся преимущественно информация (даже когда речь идёт о финансах), которая индифферентна к условиям местности, по сути она перемещается не в географическом пространстве, а в некоей инфосфере, которая лишь косвенно связана с географической оболочкой. Напротив, «снизу вверх» направлены потоки сырья, полуфабрикатов, т.е. вещественные потоки, требующие для своей транспортировки вполне конкретных характеристик территории, по которым она проходит [10].

Для России подобное иерархическое распространение информации связано с трансляциями из Москвы, во-первых, бюджетных трансфертов, а во-вторых, определённых установок, обуславливающих свойства институтов и их взаимодействие. Отметим, что часть трансляций доводятся до потребителя (населения) непосредственно в виде информационных потоков через СМИ. В этой связи стоит рассуждать о близости определённого населённого пункта к Москве именно внутри формируемой ей инфосферы (собственно, все населённые пункты, где без помех принимаются федеральные телевизионные каналы, оказываются на одинаковом расстоянии от источника вещания в информационном пространстве).

Полагаем, что в данном случае следует отказаться от термина экономико-географическое положение, поскольку мы поставили географичность сетевых отношений под сомнение. Как вариант, можно предложить термин *нетографическое* (или *неторелятивное*) положение, определяемое позицией населённого пункта в иерархической сети городов. Сетевой аспект положения крупнейших городов (прежде всего региональных столиц) определяется рядом процессов.

В условиях выстроенной системы межбюджетных трансфертов благополучие региональных центров зависит не от управления территорией в их ведении, а, во-первых, от состояния на внешних рынках (в том числе политических решений в странах ЕС, Восточной Азии, США), во-вторых, от решений в Москве, которые могут носить конъюнктурный и субъективный характеры.

Эту идею выдвигают В.А. Столбов и М.Д. Шарыгин, считая, что «практически все деньги, собираемые в муниципальных образованиях, уходят в федеральный или региональный бюджет. Аналогичные противоречия складываются между субъектами федерации и их столицами» [15, с. 164]. В этих условиях проблематично выстроить на региональном уровне систему конвертации экономических успехов при освоении природно-ресурсного потенциала, развитии обрабатывающей промышленности и инфраструктуры в повышение уровня жизни населения. «Перераспределение территориальной ренты в пользу центра не только устраняет региональные власти от действенных механизмов управления, но и лишает их самостоятельности в принятии судьбоносных для территории решений» [15, с. 165].

Повышение степени вовлечённости в мировую торговлю также сказалось на положении регионов и их столиц. Так, наиболее значимыми сторонами глобализации,

*Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.*

оказавшими неблагоприятное влияние на развитие России и её регионов, явилось повышение зависимости от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры в условиях увеличения открытости и взаимозависимости, при этом «...российские регионы не включены в глобальные конкурентные процессы. Подчеркнем, имеем в виду именно «конкурентные процессы», поскольку сырье – это условно конкурентный товар» [13, с. 38].

Сетевые взаимодействия также могут быть разнообразными. В общем виде можно выделить производственно-технологические, логистические и информационные (культурные и финансовые) связи и сети, сложившиеся на их основе. В отношении производственно-технологических связей важно отметить следующий нюанс. С одной стороны, они обусловлены положением городов в географическом поле, отличия в котором определили ту или иную специализацию и объём выпуска продукции этими городами. С этих позиций производственно-технологические связи возникают в континуальном географическом пространстве. С другой стороны, размещение предприятий в пределах экономических районов осуществлялось в условиях планового управления, в рамках которого изначально создавались и достраивались технологические цепочки по сетевому принципу. Связи между предприятиями оказались таким образом жёстко фиксированными: каждому звену в технологической цепочке часто соответствовал единственный контрагент.

Значимая проблема в 1990-е гг. возникла в связи с разрушением единого народнохозяйственного комплекса, в результате чего многие наиболее сложные производства были вынесены за пределы страны. «Старые» районные производственные сети оказались перекроены и встроены в сетевые структуры ТНК на тех или иных основаниях. Это существенно понизило ренту российских городов от нахождения их предприятий в сети.

Таким образом, региональный центр как бы отрывается от реального географического пространства и зависит от потоков в информационном пространстве, которое с первым имеет мало общего. При этом в силу разных причин часть региональных столиц сохраняют связь с социально-экономической системой своего региона, но большая часть субъектов РФ оказывается зависимой не столько от своего природно-ресурсного, производственного, человеческого потенциалов, сколько от трансляций из более крупных центров. Последние формируются исходя из решений на уровне крупных корпорации и федеральных министерств и ведомств.

Помимо этого выстраивание цепочки переработки ресурсов в готовый продукт (конкурентный на мировом рынке) тормозится, во-первых, рядом налогов (прежде всего НДС), а во-вторых, затруднённым доступом к финансовым ресурсам. В этих условиях моделью относительного благополучия для регионов становится сочетание развития экспорта ресурсов и третичной сферы.

Регионы, где произошло совпадение двух «сфер», усилили свои региональные центры, в которых увеличилась сеть торговых центров (например, Казань, Екатеринбург). Подобные города являются своего рода филиалами торговой системы, зарождающейся и контролируемой в глобальных (мировых) городах. Таким образом, регионы оказываются в зависимости от платежеспособного населения, причём уровень доходов жителей определяется в существенной степени за пределами региона. Рост городов региона обусловлен именно возможностями удовлетворения такого спроса: здесь начинает работать эффект масштаба, в результате чего преимущества получают города-миллионники.

**Динамика численности населения некоторых российских городов
в постсоветский период**

Рассмотрим динамику людности крупнейших городов в период с 1989 г. (т.е. с последней переписи советского периода) по настоящее время. На рис. 1 достаточно чётко просматриваются две большие группы городов, разделённые лакуной людности в 650–800

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

тыс. жителей. В группе до лакуны, т.е. преимущественно средних, больших и крупных городов, взятой в целом, сложно обнаружить закономерности между размером города и его ростом.

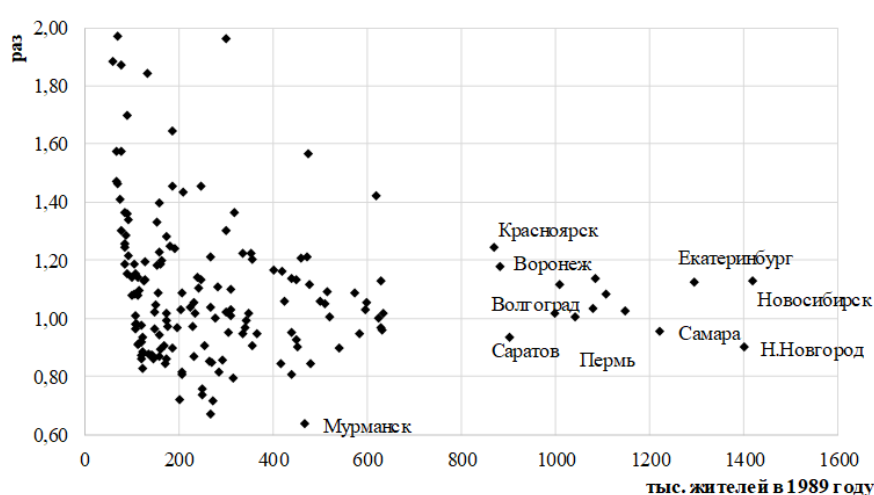

Рис. 1. Динамика численности населения городов России людностью более 60 тыс. жителей в 1989–2017 гг. (Балашиха, Домодедово и Назрань исключены из списка в связи опережающими темпами роста)

Fig. 1. The population dynamics of Russian cities with more than 60,000 inhabitants, 1989-2017, times (Balashikha, Domodedovo and Nazran are excluded from the list due to faster growth rates)

В период 1989–2017 гг. ряд значимых процессов оказали влияние на динамику городского населения. Прежде всего, следует отметить миграции из периферийных районов страны (зона Севера), а также из т.н. внутренней периферии европейской части страны. Наиболее показателен пример Мурманска, потерявшего почти 40% своего населения. Поляризация населения относительно федерального центра вызвала «взрывной» рост городов Московской области. Ещё одной группой растущих городов стали населённые пункты в Ханты-Мансийском АО вблизи нефтяных месторождений. Незначительная часть городов выросла не за счёт миграций, а за счёт своего собственного прироста (что в большей степени касается, например, Махачкалы и Назрани). Помимо этого система расселения продолжает подчиняться циклическим закономерностям развития, фазам смены опережающего роста малых, средних и крупных городов [19]. Нами указаны только самые общие аспекты изменения людности в этой группе.

Рассмотрим далее другую группу – крупнейших городов и городов-миллионников. Внутри неё можно выделить, во-первых, поволжские города (среди которых Саратов, Самара, Нижний Новгород продемонстрировали отрицательную динамику людности, для г. Волгограда она практически не изменилась, а население г. Казани существенно выросло); во-вторых, сибирские и уральские миллионники (все выросшие, хотя г. Пермь незначительно); в-третьих, выросшие города Воронеж и Ростов-на-Дону.

Нас интересуют прежде всего крупнейшие города, которые имели возможность с 1989 г. существенно приблизить свою людность до миллиона жителей (они указаны на диаграмме (рис. 2)).

В выделенные периоды динамика людности различалась. Так, в 1990-е гг. только Тольятти продемонстрировал рост своего населения более чем на 10%, прочие города показали или его небольшой рост или снижение. Новые центры притяжения населения отчётливо проявились в период 2002–2019 гг., в частности, значительно выросла людность Тюмени, Краснодар, Воронежа, Красноярска. Последние три города отставали по числу

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

жителей от Саратова в 1989 г. и опередили его с того времени, а Тюмень, отставая почти вдвое, близка к тому, чтобы догнать.

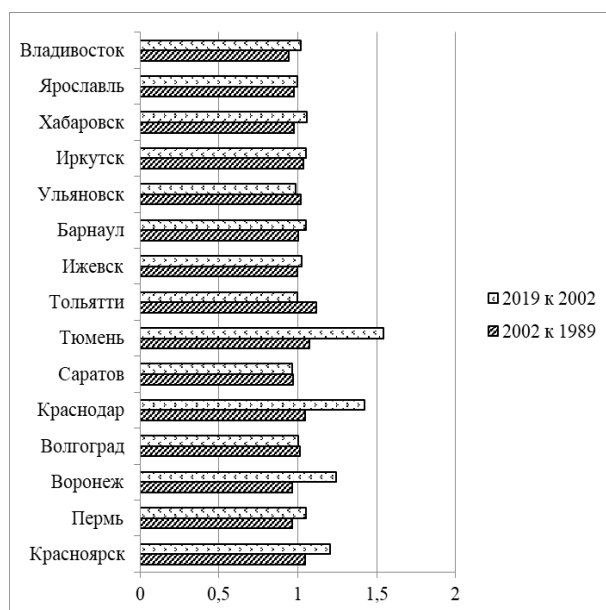

Рис. 2. Изменение численности населения некоторых городов России за два периода, разы
Fig. 2. Change in the population of some Russian cities over two periods, times

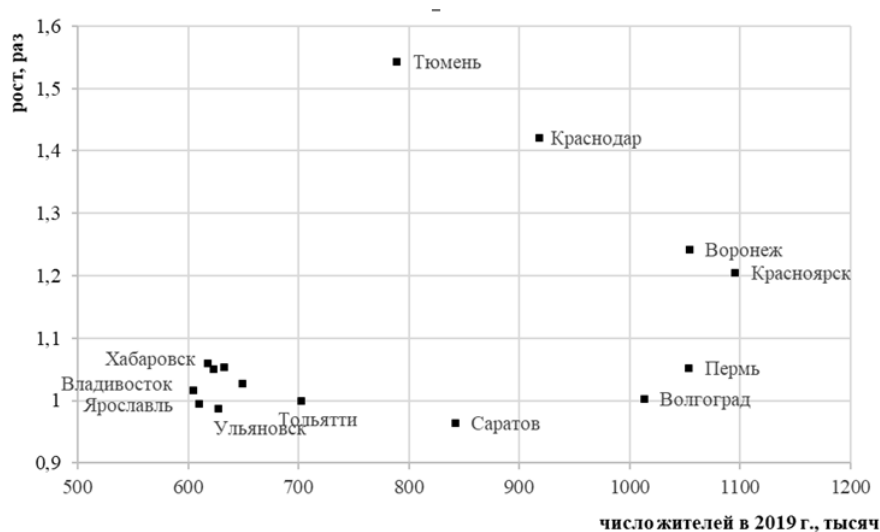

Рис. 3. Динамика численности населения некоторых крупнейших городов и городов-миллионников, 2002–2019 гг.

Fig. 3. The population dynamics of some of the largest cities and cities with more than a million inhabitants, 2002–2019, times

С другой стороны, пара сопоставимых по размерам городов (Пермь и Волгоград) весьма незначительно изменила свою людность. Интересно, что группа городов 500–600 тысячников (на 1989 г.) не смогла существенно прирастить население (а Ярославль и Владивосток потеряли), только Тюмени и Тольятти удалось значительно увеличить число жителей (рост людности Тольятти пришёлся на период 1990-х гг.). Динамика людности выбранных городов за период 2002–2019 гг. показана на рис. 3.

Интересна связь динамики роста людности с удельными значениями произведённой продукции и розничной торговли. К сожалению, статистика по обрабатывающим производствам не всегда корректна, поскольку многие компании зарегистрированы в Москве или Санкт-Петербурге, и стоимость произведённой ими продукции «приписывается» к головным офисам. Показатели розничной торговли в этом смысле более адекватны. Однако отмечаемые высокие удельные значения розничной торговли в крупнейших городах не дают ответа на вопрос о том, сама ли она вызывает увеличение численности населения города или, напротив, рост людности приводит к увеличению относительных значений величины торгового оборота.

Динамика ЭГП и сетевого положения г. Саратова

Рассмотрим изменение ЭГП и внутрисетевого положения крупнейших городов в период 1989–2019 гг. на примере г. Саратова. Наиболее значимыми нам представляются следующие три аспекта. Во-первых, это положение города в европейской части страны относительно радиально-кольцевой структуры влияния г. Москвы. Данная структура достаточно хорошо просматривается в конфигурации населённых пунктов в Московской области (ближнее внешнее кольцо) и ряде ближайших областных центров (среднее внешнее кольцо). Собственно, уже это кольцо заметно преимущественно в южном направлении; при движении на север со снижением плотности населения континуальность теряется. По нашим представлениям, третье, самое дальнее кольцо, фрагментарно представлено на основных южных, восточных и юго-западных направлениях (прежде всего, вдоль магистралей). Это своего рода противовесы, лежащие на окраине поля влияния Москвы. Так, на юге последние населённые пункты в зоне влияния Москвы находятся в Черноземье, к ним можно отнести Тамбов, до известной степени – Воронеж и другие города Центрально-Чернозёмного района. На востоке это влияние коснулось Нижнего Новгорода, но не дошло до Казани, как и до прочих городов вниз по течению р. Волги.

Для последних некоторую роль играет их взаимное положение на линейной структуре р. Волги [11]. В ней Саратов достаточно жёстко «фиксирован» в 120-километровом удалении от Волгограда и Самары (это второй аспект ЭГП Саратова).

В-третьих, следует «спуститься» на внутрорегиональный уровень. Здесь ЭГП Саратова определяется положением относительно обслуживаемых им населённых пунктов. На этом уровне логично привлекать модель гексагональной решётки В. Кристаллера. В целом, с учётом однополярной морфологии области Саратов остаётся главным центром, оказывающим услуги. Применив центрографический метод к выявлению сдвига демоцентра области с 1989 г., мы выяснили, что он практически не сместился. Происходило общее снижение численности населения в городах и п.г.т. (за исключением г. Энгельса), так что координаты демоцентра практически не изменились за более чем четверть века.

Все три перечисленные аспекта положения Саратова в системе расселения проистекают из свойства континуальности географического пространства. Безусловно, само по себе оно неоднородно и гораздо более проницаемо вдоль магистралей и рек. Тем не менее каждый из этих аспектов обусловлен особенностями географического пространства.

В противовес этому сетевой аспект положения Саратова связан с процессами глобализации, разворачивающимися в дискретном пространстве, включением российских регионов в мировой рынок. С этих позиций положение Саратова в иерархической сети городов крайне низко. Не имея значимых отраслей экспортноориентированной продукции (в области в целом), он до известного предела уступил роль звена в перераспределении потоков другим городам. Отметим, что и ближайшие города-миллионники (Самара и Волгоград) в силу разных причин не смогли успешно справиться с этой ролью.

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

В описываемом дискретном глобально-информационном пространстве Саратову и области в целом отводится роль внутренней провинции (как, по большому счёту, почти всем регионам Среднего и Нижнего Поволжья за исключением Татарстана). К сожалению, в отсутствие значимых возможностей улучшения своего ЭГП, именно положение в этой иерархической сети является определяющим для современного областного центра.

При этом мы можем говорить о несовпадении ранга города и его экономической роли. В частности, в условиях сокращения обрабатывающей промышленности Саратов вслед за областью переориентируется на роль центра пищевой промышленности (с вкраплениями химической и фрагментарно – машиностроением). Такое несовпадение (город слишком велик для подобной узкой специализации) будет способствовать дальнейшему оттоку населения [12].

Заключение

Положение города в пространстве можно рассматривать двояко. С одной стороны, оно может быть оценено относительно центров притяжения в географическом поле (континуальная среда), с другой – относительно основных ядер трансляций в иерархической финансово-управленческой сети (дискретная среда). Первое определяется географической группой факторов, а второе – нетографической (т.е. связанной с трансляциями информации финансового, управленческого, культурного характера).

При анализе динамики людности крупнейших городов и городов-миллионников России в период 1989–2019 гг. отметим снижение (или минимальное приращение) людности поволжских городов (это не касается Тольятти). Причины такого отставания, раскрываемые на примере Саратова, связаны со значительно худшим нетографическим положением этой группы городов. Оно определяется неразвитостью их функций в создании и перераспределении трансляций. В результате можно ожидать дальнейшую концентрацию социально-экономической активности в городах России с наиболее выгодным нетографическим положением.

Дальнейшее исследование посвящено количественному анализу трансляций различного вида между крупнейшими российскими городами и глобальными городами.

Библиографический список:

1. Анохин А.А., Житин Д.В., Краснов А.И., Лачининский С.С. Современные тенденции динамики численности населения городов России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2014. №4. С. 167–179.
2. Бабурин В.Л. Взаимосвязь расселения и размещения производства // Региональные исследования. 2014. №4. С. 5–16.
3. Бакланов П.Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2013. №5. С. 7–18.
4. *Город и деревня* в Европейской России: сто лет перемен / ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 556 с.
5. Дружинин А.Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. №3. С. 29–40.
6. Жихаревич Б.С., Русецкая, О.В. Колебания в относительной динамике развития региональных центров России в 2003–2013 годах // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. №6. С.75–95.
7. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. Пермь, 2006. 372 с.
8. Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. №3. С. 23–36.
9. Махновский Д.Е. Глобализация и развитие сети мировых городов // Век глобализации. 2016. №3. С. 57–70.

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

10. Преображенский Ю.В. Подходы к выявлению Центра и Периферии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Науки о Земле. 2016. Т. 16. №4. С. 216–221.
11. Преображенский Ю.В. Пространственно-временная динамика систем расселения долин Волги и Камы // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №2(41). С. 25–31. Doi: 10.17072/2079-7877-2017-2-25-31.
12. Преображенский Ю.В., Романова А.Ю. Изменение сетки экономических микрорайонов в Поволжском экономическом районе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Науки о Земле. 2018. №18(4). С. 234–242.
13. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте макроэкономических движений. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 126 с.
14. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2016. №4. С. 7–19.
15. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Стратегия региональной капитализации – основа благосостояния новой России // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. С. 156–167.
16. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория поля и границ в географии. Концепция географического поля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 1993. №3. С. 17.
17. Худяев И.А. Эволюция систем расселения от регулярности к сингулярности // Региональные исследования. 2008. №4. С. 15–25.
18. Шупер В.А. Характерное пространство в теоретической географии // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2014. №4. С. 5–15.
19. Gibbs J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. №39(2). Pp. 119–129.
20. Taylor P.J. World City Network: A Global Urban Analysis. London: Routledge, 2004. 228 p.

References

1. Anokhin, A.A., Zhitin, D.V., Krasnov, A.I. and Lachininskii, S.S. (2014), “Sovremennye tendentsii dinamiki chislennosti naseleniia gorodov Rossii”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiia*, no. 4, pp.167–179.
2. Baburin, V.L. (2014), “Vzaimosviaz' rasseleniia i razmeshcheniia proizvodstva” [The relationship of settlement and location of production]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 4, pp. 5–16.
3. Baklanov, P.Ia. (2013), “Podkhody i osnovnye printsipy strukturizatsii geograficheskogo prostranstva”, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskai*, no. 5, pp. 7–18.
4. *Gorod i derevnia v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen* [City and village in European Russia: a hundred years of change] (2001), OGI, Moscow, Russia.
5. Druzhinin A.G. (2014), “Polizavisimost' v tsentro-periferiinoi stratifikatsii territorial'noi organizatsii obshchestva: osnovy kontseptsii”, *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov*, no. 3, pp. 29–40.
6. Zhikharevich, B.S. and Rusetskaia, O.V. (2017), “Kolebaniia v otnositel'noi dinamike razvitiia regional'nykh tsentrov Rossii v 2003-2013 godakh”, *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, no. 149 (6), pp. 75–95.
7. Zyrianov, A.I. (2006), *Region: prostranstvennye otnosheniia prirody i obshchestva* [Region: spatial relations between nature and society], Perm', Russia.
8. Karachurina, L.B. (2013), “Demograficheskie transformatsii gorodov postsovetsoi Rossii”, *Regional'nye issledovaniia* no. 3, pp. 23–36.
9. Makhnovskii, D.E. (2016), “Globalizatsiia i razvitie seti mirovykh gorodov”, *Vek globalizatsii*, no. 3, pp. 57–70.
10. Preobrazhenskii, Iu.V. (2016), “Podkhody k vyivleniiu Tsentra i Periferii”, *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriya. Seriya: Nauki o Zemle*, no. 16 (4), pp. 216–221.
11. Preobrazhenskii, Iu.V. (2017), “Prostranstvenno-vremennaia dinamika sistem rasseleniia dolin Volgi i Kamy”, *Geographical bulletin*, no.2, pp. 25–31.

Экономическая, социальная и политическая география
Преображенский Ю.В.

12. Preobrazhenskii, Yu.V. and Romanova, A.Iu. (2018), "Izmenenie setki ekonomicheskikh mikroraiionov v Povolzhskom ekonomicheskom raione", *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Nauki o Zemle*, vol. 18 (4), pp. 234–242.
13. Skufina, T.P. (2016), *Regional'noe razvitie Rossii v kontekste makroekonomicheskikh dvizhenii* [Regional development of Russia in the context of macroeconomic movements], Apatity, Russia.
14. Smirniagin, L.V. (2016), "Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh", *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia geograficheskaya*, no. 4, pp. 7–19.
15. Stolbov, V.A. and Sharygin, M.D. (2017). "Strategiya regional'noj kapitalizatsii - osnova blagosostoyaniya novoy Rossii", *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossijskikh geografov-obshchestvovedov*, no. 6, pp. 156–167.
16. Trofimov A.M., Chistobaev A.I. and Sharygin M.D. (1993), "Teoriia polia i granits v geografii. Kontseptsiia geograficheskogo polia", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, no. 3, pp. 17–26.
17. Khudiae, I.A. (2008), "Evolutsiia sistem rasseleniia ot reguliarnosti k singuliarnosti", *Regional'nye issledovaniia*, no. 4, pp. 15–25.
18. Shuper, V.A. (2014), "Kharakternoe prostranstvo v teoreticheskoi geografii", *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia geograficheskaya*, no. 4, pp. 5–15.
19. Gibbs, J. (1963), "The evolution of population concentration", *Economic Geography*, vol. 39, no. 2, pp. 119–129.
20. Taylor, P.J. (2004), *World City Network: A Global Urban Analysis*, Routledge, London, UK.

Поступила в редакцию: 07.07. 2019

Сведения об авторе

Преображенский Юрий Владимирович

кандидат географических наук, доцент
кафедры экономической и социальной
географии, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского;
Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83

About the author

Yuri V. Preobrazhenskii

Candidate of Geographical Sciences, Associate
Professor, Department of Economic and Social
Geography, Saratov State University;
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russia

e-mail: topofag@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Преображенский Ю.В. Экономико-географическое и сетевое положение крупнейших российских городов в постсоветский период // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. №1(52). С.84–95. doi 10.17072/2079-7877-2020-1-84-95.

Please cite this article in English as:

Preobrazhenskii Yu.V. Economic-geographical and network position of the largest russian cities in the post-soviet period // Geographical bulletin. 2020. №1(52). P. 84–95. doi 10.17072/2079-7877-2020-1-84-95.